

Степан Яхонтов и спасение историко-культурного наследия Рязани.

Лектор: Ирина Гасановна Кусова, кандидат исторических наук, заведующая сектором отдела истории Рязанского историко-архитектурного музея-заповедника «Рязанский кремль».

* * *

Добрый день, дорогие друзья. Сегодня я расскажу вам о совершенно выдающемся, необычном и очень сложном человеке, который во многом определил культурную жизнь нашего города и региона в XX веке. Это имя многим знакомо: Степан Дмитриевич Яхонтов. В контексте рассуждений о личности и обществе его судьба мне представляется очень показательной.

Кто такой Степан Дмитриевич Яхонтов? Он был выходцем из духовной среды. Отец его был сельским дьячком. Родился он в селе Ухорь Пронского уезда, и, в общем-то, ничто не предвещало ничего выдающегося. Он пошел по предсказуемой стезе: учился сначала дома (дедушка его образовывал), потом – Скопинское духовное училище, затем Рязанская духовная семинария. Он закончил её с отличием и поступил на историческое отделение Московской духовной академии.

Я думаю, во многом учёба в академии и общение с таким выдающимся историком, как Василий Осипович Ключевский и предопределило дальнейшую судьбу Степана Дмитриевича. Он не остался в академии, как ему предлагали, он не пошёл в науку, что тоже было совершенно реально. Он занялся преподавательской деятельностью. Преподавал несколько лет в городе Екатеринославле (сегодня это территория Украины), а затем вернулся в родную Рязань. Здесь он продолжил преподавательскую работу.

Что удивительно, он преподавал одновременно в нескольких учебных заведениях: и в семинарии, из стен которой он вышел, и в женском епархиальном училище, и в первой женской гимназии, открывшейся в Рязани (Мариинской гимназии), а вместе с тем ещё и в частных учебных заведениях: в гимназии Екимецкой и гимназии Радужкевича, которая потом была известна как гимназия Николая Зелятрова. Представляете, сколько энергии было в этом человеке, как ему нравилась педагогическая стезя.

Должна сказать, что отзывы о его работе были весьма показательные. Об этом свидетельствуют воспоминания его учеников, я процитирую: «Как увлекательно он говорил о Древнем Египте, Греции, Риме. После его уроков мы все находились в каком-то приподнятом настроении, хотели быть преподавателями истории. Целым классом, с необыкновенным вниманием, мы слушали его увлекательнейшие рассказы на разные исторические темы и все без исключения были покорены его лекторским талантом и самой его

личностью. Нас буквально очаровывал в нём преподаватель, гражданин-патриот, и далеко незаурядный человек».

Я думаю, каждый учитель, преподаватель мечтает, чтобы о нём так отзывались его ученики, и хотели бы тоже стать преподавателями истории. О чём еще может мечтать учитель? Приехав в Рязань, Степан Дмитриевич занялся не только преподаванием. Он активно включается в общественную жизнь города. Сразу же после его приезда в Рязани открывается так называемая учёная архивная комиссия (безотносительно его приезда). Он, собственно, тогда был молодым преподавателем. Более того, здесь были уже такие известные люди, как, например, Алексей Васильевич Селиванов, который стоял у истоков образования этой комиссии.

Если вы ничего не слышали про РУАК (так она сокращённо называлась), то я скажу пару слов о том, что это было за сообщество. Интересно оно было, прежде всего, по своему составу, поскольку там не было профессиональных историков или, если они были, как например, Степан Дмитриевич Яхонтов, то они не определяли этот состав. Туда входили и чиновники – любители истории, и предприниматели. Александр Антонов, про которого мы с вами говорили, тоже с первого заседания был её членом, как и представители духовенства и прочие. Это было самое разнообразное по своему сословному составу сообщество, которое объединяло одно – любовь к истории.

Они занимались самими разными делами. Собирали предметы старины с целью открыть свой собственный музей, что и было сделано спустя несколько лет. Они положили начало архивному собранию Рязанской губернии. Они проводили раскопки, они печатали свои труды. Это было творческое и довольно квалифицированное сообщество, которое сделало очень много для изучения родной истории и для формирования музейной и архивной коллекции.

Именно по их инициативе Рязань в 1895 году торжественно отпраздновала своё 800-летие. Читались лекции, приглашались именитые уроженцы города, всё было очень грамотно и профессионально сделано. Вот та среда, куда попадает молодой Степан Яхонтов по возвращении в Рязань, он сразу же включается в работу учёной архивной комиссии.

Спустя несколько лет, в 1893 году, он начинает редактировать труды комиссии. Всего комиссия выпустила 27 томов. Очень много времени у Степана Дмитриевича уходило на редактирование этих томов, не потерявших своего научного значения и сегодня. Мало того, что они там публиковали свои исследования, было опубликовано много источников, которыми мы, историки, пользуемся и сегодня.

С 1905 года, когда по разным причинам ушли предыдущие руководители, Степан Дмитриевич возглавляет учёную архивную комиссию и остаётся во главе до окончания её работы в 1918 году после смены власти и её фактического закрытия.

Кроме общественно-научной деятельности его активность шла и в другом направлении. Это нужды города. Он, завоевав авторитет в городе, был избран гласным городской думы. На мой взгляд, это единственный, наверное, случай в истории Рязани. Может быть, я что-то не знаю, но во всяком случае это редчайший случай в истории Рязани, когда деятель науки становится гласным городской думы. Обычно лицо этого учреждения определяли предприниматели, и вдруг Яхонтов.

Причём, листая журналы городской думы, удивляешься, насколько весомо было его слово. Городская дума периодически обращалась к нему по таким вопросам городской культуры как, например, сохранение исторического вала Переяславля Рязанского на территории кремля. Или же проводили городской водопровод, нашли белокаменные основания тоже на территории кремля, и вышло постановление о том, чтобы не продолжать работы, пока место не осмотрят Степан Дмитриевич и комиссия для того, чтобы сделать заключение: что это может быть, насколько это ценно с исторической точки зрения. Человек был весьма и весьма уважаем.

В 1915 года он занимает пост директора женской Мариинской гимназии и возглавляет это учебное заведение до 1918 года. В этот период благополучия, когда его авторитет только рос, он проявлял себя в самых разных ипостасях и создал, можно сказать, своими руками музей. Уже был открыт музей учёной архивной комиссии, но это было общее дело членов РУАК, а тут музей появился благодаря 90% усилий и работе Степана Яковлевича. Это было епархиальное древлехранилище.

Конечно, была поддержка со стороны церкви, рязанский епископ Дмитрий во многом способствовал сбору церковной старины, но очень долго дело тормозилось, и, если бы не Яхонтов, оно никогда бы не открылось. Он всё систематизировал, очень достойно представил, и во дворце Олега Рязанского Кремля в 1914 году открылось древлехранилище, по которому Яхонтов сам водил экскурсии.

Он был увлечён и был «в теме», кроме него не было никого, кто бы с таким знанием дела, квалифицированно рассказывать рязанским школьникам о церковной старине. Вот такой благополучный период в жизни человека: почёт и уважение были ему платой за его деятельность.

А дальше – рубеж, 1917 год, большевики приходят к власти. Рубеж, после которого начинается совершенно иной период. Нет, Яхонтов не ушел в тень,

он остается на плаву, он продолжает своё дело по изучению Рязанской истории и сбору материалов. Но какой ценой все это дается и через что пришлось пройти этому человеку. Вот это вызывает и бесконечное уважение, и сострадание, поскольку это была уже жизнь если не мученика, то человека, которому пришлось очень много испытать. И именно последующий период жизни привлекает внимание историков и заслуживает нашего внимания как граждан современной России.

Советская власть строила свой новый мир, безжалостно уничтожая всё старое безотносительно того, противоречило ли это новой идеологии. Что происходит с Яхонтовым? Понятно, должности он лишился, но оказался востребован. Его привлекают к формированию архива Рязанской губернии, имея ввиду, что ему это дело знакомо и он им уже занимался в учёной архивной комиссии. И Яхонтов окунается в это дело с головой. Нужно было обойти те учреждения, которые остались от старой власти и собрать там архивы. Все это он подробно описывает в своих воспоминаниях, которые совсем недавно были изданы.

Он ходил по бывшим учреждениям государственного и городского управления вместе со своими помощниками по учебным заведениям, воинским частям. В некоторых архивы сохранялись более-менее нормально, в других, как в Болховском полку, этими документами был завален какой-то сарай. Всё это нужно было разгрести, расчищать, вытаскивать. Совершенно невероятные вещи описываются в его дневниках и воспоминаниях. Но результат оказался ошеломительным. В результате удалось собрать архив, который по своему объёму едва ли не превосходил все остальные архивы бывшей Российской империи. Наш государственный архив уникален, прежде всего, по объёму документов. Сегодня их немного меньше по статистике, но тут могут быть причины. Дела могли переформировываться, и то, что раньше считалось несколькими единицами, могло быть объединено в одну. Но это уже другая история. Несколько миллионов дел было спасено Яхонтовым и его командой, и всё это складировалось, охранялось по мере возможности.

А людям в период Гражданской войны элементарно не хватало бумаги: залезали для того, чтобы использовать её для отопления, поэтому проблем было очень много. Тем не менее архив этот удалось спасти. Сегодня Рязанский архив – это гордость нашего региона. К нам едут исследователи из многих других областей и краёв для того, чтобы позаниматься в нашем архиве.

Параллельно с архивом Яхонтова привлекают к формированию нового музея. Опять же в городе на 1917 год несколько музеев: музей учёной архивной комиссии, музей епархиального древлехранилища, кустарный музей земства, музеи в воинских частях, при гимназии и т.д. – всё было расформировано.

Всё сводилось воедино при областном отделе образования, который располагался в то время там, где сегодня у нас городская администрация, на Радищева, 28. Помимо всех этих разгромленных музеев, свезённых в одно место, туда же свозились реквизированные предметы из госучреждений и помещичьих усадеб. Это было что-то невероятное – огромное количество предметов было сосредоточено в этом здании. И вот из всей этой разноплановой громады (и исторические, и бытовые предметы, включая ковры, мебель, картины) необходимо было создать музей. Вот на это дело и подвязали Степана Дмитриевича.

Он работал не один, у него были сильные сотрудники, в частности, Алексей Фесенко, искусствовед, которого привлекли из концлагеря на территории Казанского монастыря. Было безвыходное положение, не было специалистов, поэтому и политзаключенныегодились. Был Дмитрий Дмитриевич Солодовников, этнограф Мария Малинина, Наталья Лебедева на первых порах. Вот с такой очень сильной, я бы сказала, когортой музейщиков, Степан Дмитриевич построил в здании на Радищева, 28 музей. А затем музею стало тесно, далеко не все предметы были представлены, и начали подумывать о том, куда бы его перевести.

Сначала хотели на улицу Свободы, там, где сегодня у нас располагается Художественный музей. Но затем Яхонтову пришла замечательная мысль расположить музей в кремле. В то время пустовал Дворец Олега, частично он был занят водниками, то есть работниками речного порта, которые открывали там квартиры, парикмахерские, мастерские и прочие заведения. Но понятно, что историческое здание должно было иметь лучшее применение. Он настоял, доказал и в 1923 году музей переезжает во Дворец Олега Рязанского кремля. С этого времени Степан Дмитриевич становится директором музея.

Эту должность он занимает на протяжении 5-ти лет с 1923 по 1928 гг. Это был совершенный взлёт Рязанского музея, когда его имя звучало далеко за пределами Рязанской области. У Яхонтова уже были наработаны связи, он и до 1917 года принимал участие в разнообразных археологических съездах, кругом были люди, знающие его как музейного деятеля, историка, археографа. Он часто бывал в Москве, в Народном комиссариате просвещения РСФСР, был знаком и состоял в очень хороших отношениях с супругой Льва Троцкого, которая возглавляла ведомство, сам добивался реставрации предметов. Он вообще был нестандартным директором. Он мог сам переключивать печи. Например, была изразцовая печь в музее РУАК, он разобрал эти изразцы в Присутственных местах, перенес их во Дворец Олега и сам эту печь выложил. Он сам расчищал порталы Архангельского собора, проводил там раскопки. Оставался для этого вечером после работы.

Представляете, архив на нём, руководство музеем, он собирает все эти миллионы дел, а вечером ещё идет расчистить белокаменное крыльцо Архангельского собора, чтобы понять, как там что устроено.

Когда началась реставрация Дворца Олега, он привлекал местных и столичных архитекторов. Щусев участвовал в реставрации в 20-е годы, и здание привели в порядок. В общем, это был очень своеобразный директор. Но душой его, конечно же, оставалась коллекция бывшего епархиального древлехранилища, которая тоже вошла в это собрание. Там он пропадал днями и ночами, монахини, нашедшие приют при Дворце Олега, ему помогали, ему помогали, сам он занимался первичной реставрацией. Работал музей, судя по документации, просто отлично: постоянные экспедиции, археологические раскопки. С изданиями было посложнее, потому что требовались большие деньги, но научная деятельность в музее буквально кипела. Апофеозом признания Рязанского музея стала первая в нашей стране музейная конференция, которая прошла в его стенах. Конференция собрала более 40 сотрудников, большая часть из которых – руководители музеев из Москвы, Петрограда, Центральной России. Музеи прислали участников, которые горячо обсуждали самые насущные вопросы музейного строительства: как строить, чем руководствоваться, как выстраивать процесс с хозяйственной точки зрения и с точки зрения содержания музейных экспозиций. В общем, Рязанский музей середины 1920-х во главе с Яхонтовым – это образец для многих других музеев.

А потом всё в очередной раз поменялось. Я вам сейчас зачитаю коротенькую цитату из воспоминаний Степана Дмитриевича, который очень точно описывает, как было и как стало: «В первый период как грибы открывались общества краеведения, кругом планировались музеи. И в сёлах населению нечего было есть, а мы затевали музеи чуть ли не на каждом шагу».

Это было одно, как он характеризует, из увлечений советской власти и прилипших к ней музеев и музейного строительства: «Брошюры как надобно устраивать музеи чуть ли не ежедневно появлялись. Власть использовала это, и сама увлеклась. Но угар прошёл. Они укрепились. Теперь можно было вернуться, и результатом был новый взгляд на музеи. Новые, свои собственные кадры подрастали, с иными взглядами. В их руках более гибкий материал, не застаревший в своей самостоятельности. В результате старых жрецов, которые руководили сначала, и, конечно, стали стеснительными для вставших на ноги, нужно было заменить новыми курсантами, дувшими в одну дуду с властью. Изъятое, в конце концов, выродилось во вредительство, которого, конечно же, не было, и вот носители старой культуры были ловко обмануты. В музей пришла политика».

В первые годы после Гражданской войны власти было не до музеев, они развивались самостоятельно, так, как они считали нужным. Но как только власть укрепилась к середине 20-х гг., её щупальца протянулись и к музеям. В музей пришла политика. Отныне экспозиции должны были строиться так, чтобы прославлялась советская власть, говорилось о преимуществах советского строя и прочее.

Как пишет Яхонтов, на смену церковной старине в экспозиции пришла грязная курная изба. У нас многие рязанцы старших поколений с удовольствием вспоминают, как они в детстве ходили и смотрели в экспозиции Дворца Олега эту курную избу. А вот у Яхонтова, видите, другое восприятие – была культура, были такие красивые достойные вещи, а тут вдруг грязная курная изба. Но он был человеком старой закалки и это не скрывал. И психологически ему было очень сложно, потому что и в музее люди были увлечены новым строительством, новой жизнью и будущим. И тут какие-то реликвии. Это воспринималось как некое такое старое чудачество старика, которое допускалось, но было не актуальным. С этой точки зрения ему, конечно, было сложно. А он мечтал о музейном парадизе, когда весь кремль превратится в музей, в закрытых соборах появятся выставочные залы, библиотеки и вся территория кремля будет отдана под музеи.

Но жизнь внесла свои коррективы. В 1928 году он понимает, что его время уходит. Он оставляет директорский пост. А в 1929 году его арестовывают по делу краеведов, которое стало разворачиваться по всей стране. И, как считают наши историки, во многом благодаря Яхонтову здесь это дело не приняло таких широких масштабов. Он никого не оговорил, это был человек-камень, который был верен себе и своим взглядам. Никого более не привлекли к этому делу. Если в соседней Воронежской губернии 90 краеведов были привлечены по этому делу, то у нас отдувался за всех Степан Яхонтов.

Но и в тюрьме он не сидел молча. Пока был в заключении четыре месяца, он читал своим соседям по камере лекции по археологии, истории, этнографии. Это был человек с таким стержнем, что не мог не вызывать уважения даже у своих противников, и он был вскоре отпущен. Очень интересно его отношение к религии. Это был глубоко религиозный человек, очень хорошо знавший религиозную культуру, но не питавший иллюзий по отношению к тому же клиру. Он очень скептически относился к нравам, которые царили в этой среде. Его приглашали быть священником в Успенском соборе. Он пишет: «Отказался, потому что не хочу воровать». Он был абсолютно идейным и бескомпромиссным человеком. Он считал, что чёрное – это

чёрное, белое – это белое. Ему было очень трудно жить, понимая всё это, тем не менее, с другой стороны, он прожил в ладу со своей совестью.

У него была своя точка зрения на то, что власть творила с церквями, прикрываясь тем, что собирают всё золото и серебро из церквей в помощь голодающим. Он подробно описывает эту ситуацию. Верующие готовы были компенсировать все эти церковные реликвии деньгами: не забирайте оклады с наших икон, мы вам в деньгах всю эту сумму компенсируем. Но власть отказалась от этого, хотя казалось бы – в помощь голодающим, зачем вам золото. Берите деньги и помогайте голодающим. Он предполагает, что это было сделано намерено, как он пишет, для обессиления церкви.

Второй момент, который тоже привлёк внимание, – реставрация Успенского собора. Успенский собор Рязанского кремля – это символ всей рязанской церкви. Так вот, верующие просили себе собор в пользование, а власть им поставила условие, что они должны были провести реставрацию. Реставрация, как известно, дело дорогостоящее. Тогда прихожанами была организована кампания по сбору денег. Причём кампания эта развернулась по всей губернии, и деньги начали сдавать довольно активно. То есть стало понятно, что необходимая сумма может быть набрана. И тогда власть запрещает собирать деньги. Возможен был лишь сбор пожертвований в кружку в соборе – понятно, что таким образом можно собрать лишь копейки. То есть опять же намерено вставлялись палки в колёса для того, чтобы не допустить, чтобы Успенский собор остался у верующих.

Все эти подробности были бы нам неизвестны, если бы не дневники Степана Дмитриевича, где всё это довольно подробно изложено. Он, кстати, объяснял, почему власть не даёт верующим возможности использовать собор для богослужения – опять же, как он пишет, для обессиливания церкви. И всё то, что выгребалось из соборов, как он описывает, потом оседало в музейных кладовых без намерения использовать это дальше. В таком количестве эти предметы невозможно было использовать в музеях.

Потом на какое-то время в середине 20-х пошел обратный процесс. В годы голода, в начале 20-х сгребли всё, в основном в Москву, в середине 20-х Яхонтов ездил в Оружейную палату и там отбирал заново свои рязанские вещи, он их знал «в лицо». 12 пудов серебра, как он пишет, сложенных в сундук, он вёз в Рязань и вернул часть этих реликвий.

Но затем эти страшные 30-е гг., когда по всей стране творился не только кровавый террор, но и террор в музеях по отношению к музейным предметам, когда всё выгребалось по распоряжению власти, и всё равно все эти вещи затем вновь ушли, о чём он очень сожалел. Представляете, сам директор ищет, разгребает, находит и возвращает вещи в музей. Это был

абсолютный подвижник. Он и сам себя называл Дон Кихотом, и сегодня мы повторяем вслед за ним «рязанский Дон Кихот».

По опубликованным воспоминаниям видно, что в конце жизни он переживал: «В войну родился и в войну умру». Так и получилось: в Крымскую войну он родился и умер в годы Великой Отечественной войны. И последнее, что его волновало и тревожило – это его дневники и записки, где он отразил жизнь Рязани на протяжении многих лет. Как историк он понимал значимость того, что сделал. А ведь в 20–30 гг. – годы большого террора – он не боялся справедливо оценивать то, что происходило, и заносил это в строки своего дневника. Это однозначно был бы расстрел, если бы этот дневник оказался в руках чекистов, которые неоднократно, кстати, проводили обыски в его доме и вынесли много ценного с исторической точки зрения: княжеские грамоты и прочее. Где это находится сегодня, мы не знаем. Тем не менее, он продолжал вести эти дневники, они сохранились, и сегодня часть из них издана.

Что касается мест, которые связаны со Степаном Дмитриевичем, ситуация следующая. Сейчас у нас очень активно идёт экскурсионная работа, появляется много молодых экскурсоводов, которые проводят в том числе авторские экскурсии. Конечно же, хотелось бы, чтобы имя Степана Дмитриевича звучало в этих экскурсиях, но с мемориализацией очень непросто. Те дома, которые связаны с проживанием Яхонтова, увы, не сохранились. У него был собственный красивый дом на Астраханской улице, где-то в районе современного «Атрона». Там сегодня стоит многоэтажное здание.

В последние годы вместе с дочерью Верой он жил в скромном домике на бывшей Введенской площади, ныне площадь Мичурина. Однако мы знаем, что вся площадь Мичурина была застроена в 20-е гг. Есть в городе улица Яхонтова, и очень многие по наивности думают, что эта улица посвящена Степану Дмитриевичу. Но нет, это другой Яхонтов – партийный деятель, который недолго здесь в Рязани руководил, а потом вскоре умер. Я думаю, это совершенно реально и не потребует каких-то материальных затрат: можно принять решение на уровне городской думы, допустим, о том, что улица Яхонтова у нас будет именоваться не в честь того большевика, партийца Валериана Яхонтова, а в честь Степана Дмитриевича Яхонтова, который очень много сделал для развития рязанской культуры.

Музей работает в направлении мемориализации. Во-первых, совместно с государственным архивом и при участии Рязанского государственного университета музей проводит с 2000 года Яхонтовские чтения, и уже вышло девять томов по их итогам. В них содержатся богатые материалы по истории и культуре нашего края. К 165-летию Яхонтова в музее прошла выставка, которая называлась «Рязанский Дон Кихот», где была представлена

многообразная деятельность Степана Дмитриевича. Но я думаю, что Яхонтов достоин большего, и имя его должно звучать в нашей культурной среде чаще.